

А. С. Орлов. То же указывает и Д. С. Лихачев в своих комментариях к «Слову».⁴ Из всех исследователей только, кажется, Н. С. Тихонравов прямо отдавал предпочтение Екатерининской копии и считал, что по сравнению с нею первые издатели «Слова» в 1800 г. произвольно изменяли написание оригинала.⁵

Однако на деле недоверие к первому изданию мы встречаем даже у тех исследователей, которые отдают ему как будто должное. Тот же Е. В. Барсов высказывает мнение, что хотя издатели и избегали поправок, но допускали их там, где смысл для них был ясен и где казавшаяся им грамматическая ошибка могла «затемнять его для читателей». Так, Барсов предполагает, что написание оригинала «сынъ Всеволодь» издатели исправили на «Всеволожь»; а относительно чтения в первом издании «подобію» вместо «по дубію» считает, что «погрешность эта могла принадлежать самим издателям».⁶

Предположив, что Малиновский не вполне разобрал написание рукописи или, разобрав, заподозрил в нем ошибку и произвольно исправил ее, Барсов предлагает обычно свою версию «подлинного текста» рукописи и, исходя из нее, дает объяснения и перевод, часто мало обоснованный и даже фантастический. Главная ошибка Барсова заключается в том, что единичный случай, встреченный им в какой-либо одной рукописи, он возводит в правило, которое и применяет потом для объяснения и исправления текста первого издания. Этому способствовало то обстоятельство, что Барсов был сам собирателем рукописей.

В наше время А. С. Орлов заявлял, что кладет в основу своего издания «печатный текст 1800 года, как более осмотрительно сделанный», но вносит «в этот основной текст лучшие чтения, местами сохранные Архивной (Екатерининской) копией».⁷ Таким образом, создается впечатление, что Орлов придает одинаковое значение показаниям обоих списков, что они для него по существу равноценны. В ряде случаев он предполагает «подравнивание написаний» то в одном, то в другом списке и не определяет, в чем же собственно заключается различие того и другого. А между тем их разногласия вытекают из тех целей, которые ставят себе Мусин-Пушкин и Малиновский.

Ф. И. Буслаев в своей оценке обоих списков говорит не о произволе издателей, а о несовершенстве транскрипций: «Правописание Слова о полку Игореве дошло до нас в самом искаженном виде как потому, что оно было подновлено и попорчено в рукописи XV или XVI столетия, так и потому, что ни писец Ек. копии, ни издатель 1800 года с своими помощниками не умели во всей точности передать старинную рукопись».⁸ Таким образом, Буслаевым поставлен в сущности вопрос о системе двух транскрипций. Позднее И. И. Козловский, выясняя различие обоих списков, на ряде примеров показал, что издание 1800 г. пытается передать оригинал, как он есть, а Екатерининская копия упрощает правописание подлинной рукописи.⁹ Наша задача заключается в том, чтобы продолжить и

⁴ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», второе, дополненное издание. М.—Л., 1946; Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 361—365.

⁵ Н. С. Тихонравов. «Слово о полку Игореве». М., 1866.

⁶ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве»..., т. 3, стр. 182, 164; ср. также стр. 194, 199, 206, 226, 229, 288.

⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 45.

⁸ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия, изд. X. М., 1912, стр. 86.

⁹ И. И. Козловский. Палеографические особенности рукописи «Слова о полку Игореве». Древности, Труды Московского археологического общества, 1890, т. XIII, вып. 2, стр. 2—3.